

Научная статья

УДК 821.161.1-31.09

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.50.2.01

СЕМЬ ИМПЕРАТОРОВ НА ФОНЕ ИСТИННОГО ВЕЛИЧИЯ В «ВОЙНЕ И МИРЕ» Л. Н. ТОЛСТОГО

Полтавец Елена Юрьевна

Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия

nedzvetsky@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8915-8044>

Аннотация. Статья посвящена актуальному, но недостаточно исследованному вопросу о корреляции историсофского и психологического смысла «Войны и мира» Л. Толстого. В связи с этим главное внимание уделяется выявлению приемов противопоставления Андрея Болконского целому ряду исторических персонажей — императоров. Ведущим методом данного исследования стал сравнительно-исторический метод, что позволило сопоставить князя Андрея с историческими персонажами (императорами) и установить, что они оцениваются по тем же нравственным критериям, что и вымышленные герои. В статье доказано, что автор противопоставляет князя Андрея семи императорам, чтобы показать истинное величие человека. Представленный в статье анализ раскрывает отношение автора «Войны и мира» к знаменитым в истории личностям, известным и прославленным. Все семь названных в «Войне и мире» императоров изображены так, как видит их Андрей Болконский, или получают его оценку. На примере антитезы «Андрей Болконский — известные в мировой истории властители» Толстой вырабатывает основные принципы своей историсофской концепции.

Ключевые слова: истинное величие, император, философия истории, историсофское и психологическое значение, исторические персонажи.

Для цитирования: Полтавец, Е. Ю. (2023). Семь императоров на фоне истинного величия в «Войне и мире» Л. Н. Толстого. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 2(50), 7–16. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2023.50.2.01>

Original article

UDC 821.161.1-31.09

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.50.2.01

SEVEN EMPERORS AGAINST THE BACKGROUND OF TRUE GREATNESS IN LEO TOLSTOY'S «WAR AND PEACE»

Elena Yu. PoltavetsMoscow City University,
Moscow, Russianedzvetsky@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8915-8044>

Abstract. The article considers a topical, though still insufficiently studied issue of correlating the historiosophical and psychological meanings of «War and Peace» by Leo Tolstoy. In this regard, the focus is on the methods aimed at contrasting Andrei Bolkonsky with a number of historical characters, emperors. The leading method of this study was the comparative historical one, which made it possible to compare Prince Andrew with historical characters (emperors) and to reveal that they are evaluated according to the same moral criteria as fictional characters. The article proves that the author opposes Prince Andrew to the seven emperors in order to show the true greatness of man. The analysis presented in the article reveals the attitude of the author of «War and Peace» to historical personalities, both famous and illustrious. All seven emperors named in «War and Peace» are either depicted through the eyes of Andrei Bolkonsky or receive his assessment. The antithesis «Andrei Bolkonsky — the rulers known in world history» enables Tolstoy to develop the basic principles of his personal historiosophical concept.

Keywords: true greatness, emperor, philosophy of history, historiosophical and psychological meaning, historical characters.

For citation: Poltavets, E. Yu. (2023). Seven Emperors against the background of True Greatness in Leo Tolstoy's «War and Peace». *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 2(50), 7–16. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2023.50.2.01>

Введение

В 1868 году, не дожидаясь выхода в свет всего романа Л. Н. Толстого «Война и мир», П. В. Анненков опубликовал в «Вестнике Европы» критическую статью «Исторические и эстетические вопросы в романе гр. Л. Н. Толстого “Война и мир”». На момент написания статьи критик был знаком только с первыми тремя томами (в первом и втором изданиях три первых тома соответствовали двум первым в принятом позже делении на четыре тома). То есть из исторических вопросов «Войны и мира» Анненкову было известно только изображение Шенграбена, Аустерлица, Тильзита, Сперанского, толков москвичей о европейской политике Наполеона в 1811 году. Других критических статей о «Войне и мире», даже по выходе в свет всего произведения, Анненков не написал, о толстовских Наполеоне, Кутузове, Ростопчине, Александре I, да и о многих других деятелях 1812 года как исторических персонажах «Войны и мира» не говорил; изображение Смоленска, Бородина, Москвы также оставил без своего критического внимания. Но Анненков, не добавив к своей статье, посвященной историческим вопросам, самого, казалось бы, главного — критического анализа всей толстовской картины 1812 года, — решал, по-видимому, какую-то

другую задачу, видел проблему исторического изображения в другом аспекте, поэтому счел свою цель достигнутой и без обращения к эпизодам 1812 года. Одно из самых интересных и нуждающихся в современном осмыслении утверждений Анненкова — это замечание, что «дух времени <...> воплощается на страницах романа, как индийский Вишну» (Анненков, 2000, с. 353). Более чем через 20 лет после этого К. Н. Леонтьев сравнил «Войну и мир» с Брамой и индийским идолом (Леонтьев, 2012, с. 148). Через 40 лет Р. Роллан написал, что в связи с «Войной и миром» уместнее всего вспоминать Кришну и индусские эпопеи (Роллан, 1985, с. 243).

Второе интереснейшее положение статьи Анненкова, также не нашедшее отклика в суждениях современников Анненкова и в литературоведении наших дней, — это наличие в «Войне и мире» системы оппозиций «вымышленный персонаж – образ исторического лица». Казалось бы, такие противопоставления не раз становились предметом исследований, однако изучались они большей частью в сюжетно-ситуационном ключе и — меньше — в идейных аспектах (например, Тушин и его батарея vs Наполеон, Николай Ростов и Александр I в Тильзите, Пьер на допросе у Даву). Чаше подчеркивались выстроенные автором «Войны и мира» параллели, указывалось на психологическое сходство (Наполеон и военные карьеристы, m-lle Georges и Элен и т. д.). Анненков же раскрыл именно систему противопоставлений и указал на ее смысл и центральную идею как на главнейший эстетический вопрос и вместе с тем один из особенно важных аспектов идейной структуры романа. Сосредоточившись на образах трех главных героев романа, критик подчеркнул: «...Самое важное лицо этой светской триады есть молодой князь Болконский <...>. Это именно то строгое, серьезное лицо, которое должно торжественно вынести на себе идею романа из хаоса его подробностей, оправдать автора за выбор места действия и за выбор содержания, дать всему смысл и значение» (Анненков, 2000, с. 356). Именно князь Андрей, оправдывая выбор содержания, наблюдает исторических лиц, дает им смысл и значение. Критик поясняет: «Всех более посчастливилось при этом молодому князю Болконскому, адъютанту Кутузова <...>. Перед ним развивается вся быстрая и несчастная наша заграничная кампания 1805–1807 годов со всеми трагическими и поэтическими своими сторонами; <...> он видит всю обстановку главнокомандующего и часть чопорного австрийского двора и гофкригсрата. К нему приходят *позироваться* император Франц, Кутузов, а несколько позднее — Сперанский, Аракчеев и проч., хотя портреты с них — и прибавим — чрезвычайно эффектные снимает уже сам автор» (здесь и далее курсив принадлежит цитируемым авторам. — *Е. П.*) (Анненков, 2000, с. 352–353).

Итак, Анненков, знакомый еще только с половиной текста, уловил один из важных принципов репрезентации темы «Человек и история» в «Войне и мире». Это выстраивание системы оппозиций «Андрей Болконский — исторические деятели». Стоит ли говорить, что чтение второй половины произведения прибавило бы значительный материал к осмыслению этих оппозиций, но главное Анненковым уже сказано. Более туманно выразился на ту же тему Н. Н. Страхов в первой из своих статей 1869 года о «Войне и мире» (статья посвящена 1–4-му томам): «Князь Андрей внушает всем невольное уважение, играет в свете какую-то царственную роль. Его ласкают Кутузов и Сперанский, его боготворят солдаты» (Страхов, 1984, с. 431). Если вымышленный персонаж, частное лицо играет, по мнению критика, в свете (и не только в свете) царственную роль, уместно задаться вопросом: какую же роль играют в толстовской картине мира царственные исторические лица, правители и императоры?

В «Войне и мире» князь Андрей скрыто или явно, т. е. путем сравнений в авторском комментарии, сопоставляется с семью императорами. Из всех «позировавших», по выражению Анненкова, князю Андрею исторических лиц выберем подсистему «императоры» и кратко охарактеризуем функции системных сопоставлений. Аустерлицкий эпизод встречи Болконского с Наполеоном хрестоматийно известен, поэтому акцентируем самое главное, на наш взгляд, противопоставление, оно же и логическое основание всей системы оппозиций «князь Андрей — императоры». Это противопоставление истинного и ложного человеческого величия. Проблема слишком значимая для Толстого, причем не только в период «Войны и мира», но и на протяжении всего дальнейшего творчества. Аустерлицкий небесный пейзаж с облаками не только противопоставляется суетной толпе землян, но и — главное — задает космический масштаб проблемы. Инверсия осевого символа (Праценская гора) выражается в том, что Наполеон мнит себя одержавшим не только военную, но и моральную победу и пространственно возвышается над распростертым Болконским, тогда как истинное величие еще выше — на небе с облаками. Ключевое противопоставление на микроуровне текста — несколько раз повторяющиеся лексемы «величие» и «ничтожество». Оппозиция «Наполеон — князь Андрей» в «Войне и мире» гораздо более значима, чем «Наполеон — Кутузов», так как проблему истинного величия Толстой решает не столько на примере противопоставления исторических личностей, будь они признанными воплощениями добра и зла, «олицетворениями мировых сил» (Бочаров, 1963, с. 142), сколько с помощью противопоставления более глубокого, захватывающего оппозицию не только исторической роли и моральных качеств, но и статусов (социальных и, так сказать, персонажных): «император, исторический персонаж — частное лицо, вымышленный персонаж». На эту особенность системы персонажных оппозиций и указал Анненков.

В работе Л. Н. Гумилева «Бремя страстей» высказана мысль, что толстовский князь Андрей — пример «абсолютно гармонической личности» (Гумилев, 1996, с. 21). «Это вам не Наполеон, живший в его время, который так же, как Александр Македонский, неизвестно для чего завоевывал страну за страной. И даже такие страны, которые он явно не мог удержать. Например, Испанию или Россию» (Там же). Гумилев понимает противопоставление князя Андрея Наполеону как противопоставление идеального героя пассионарному, причем находящемуся во власти собственных софизмов и собственного властолюбия (Там же). Современный философ В. В. Бибихин видит в противопоставлении Андрея Болконского Наполеону главную историософскую антитезу «Войны и мира»: «Недоразумение, что у Толстого герои не правят историей. <...> То же князь Андрей Болконский, чей Тулон состоялся, он спас Кутузова от плена или смерти под Аустерлицем — совершенно странным образом читатели и критики, замороженные общим мнением об отсутствии исторического героя у Толстого, не замечают этого *решающего* подвига, важнее Тулона, потому что Кутузов потом *решает* исход русской кампании Наполеона» (Бибихин, 2012, с. 194–195).

Если подвиг князя Андрея под Аустерлицем важнее наполеоновского Тулона, то это значит, что, по Толстому, не от императора Наполеона, а от частного лица — князя Андрея — зависел ход мировой истории. Недаром именно князь Андрей напоминает в салоне Шерер: «Надо в поступках государственного человека различать поступки частного лица, полководца или императора» (Толстой, 1978–1985, т. 4, с. 30). Таким образом, тема противостояния частного лица и властителя развивается автором

в качестве историософского парадокса, и эта тема заявлена уже на первых страницах «Войны и мира».

Результаты исследования и дискуссия

Российский император Александр I воплощает в романе серость. Напомним, что флигель-адъютантство не привлекало князя Андрея еще до отъезда в армию в 1805 году, хотя, по впечатлениям Лизы Болконской, «государь очень милостиво говорил с ним» (Толстой, 1978–1985, т. 4, с. 36). Получается, что беседа Болконского с Александром, о которой упоминает маленькая княгиня, фабульно предшествует презрительному молчанию князя Андрея при аустерлицкой встрече с Наполеоном. В кампании 1805 года Болконский участвовал в качестве адъютанта Кутузова, а не Александра, и между императором Александром и князем Андреем, как и между императором и Кутузовым, установилась ощущаемая обоими антипатия. В связи с этим Толстой несколько отходит от своего принципа сопоставления Болконского с императорами и поручает восхищение Александром Николаю и Пете Ростовым, а недоумение по поводу этого императора и Тильзита — Николаю Ростову. Изображение же какого-то взаимодействия между Александром и Болконским (хотя бы по схеме «увлечение – разочарование», как в эпизодах, посвященных работе князя Андрея со Сперанским) автор сразу отвергает, потому что Болконский никогда и не был очарован государем. Как камергер, князь Андрей является ко двору, замечает неудовольствие государя, но остается снисходителен к безобидному недалекому самодержцу. «Я сам знаю, как мы не властны в своих симпатиях и антипатиях», — думает князь Андрей об императоре (Толстой, 1978–1985, т. 5, с. 167).

Портретную галерею дополняет австрийский император Франц, из аудиенции при дворе которого князь Андрей выносит впечатление еще более тягостное: война и политика, вообще отвлеченные вопросы представляют для этого императора с «длинной головой» (Там же, т. 4, с. 202) слишком непосильное умственное напряжение (Франца Болконский видит и позже — перед Аустерлицким сражением, причем у императора столь же озадаченный вид).

Итак, фабульная последовательность, в которой князь Андрей наблюдает властителей-современников, такова: беседа с Александром, беседа с австрийским императором Францем, встреча с Наполеоном. Они олицетворяют ступени деградации власти — от безобидного (на первый взгляд) легкомыслия и кокетства Александра (которые так по сердцу Анне Шерер и Лизе Болконской) — к наивному убеждению Франца, что жизнь управляется диспозициями и аудиенциями, а от Франца — к самодовольному завоевателю и убийце Наполеону.

Австрийского императора Франца Болконский воспринимает так же, как немецких генералов. Это противопоставление находится в русле мотива ложной и настоящей жизни. «Причина не в том, что известная немецкая точность и дисциплинированность вступали в противоречие с качествами свободной русской природы (Толстой был к подобным сопоставлениям равнодушен), а в том, что реальная военная действительность не могла уложиться в заранее разработанные планы и диспозиции» (Романов, 2021, с. 268). Антитеза князь Андрей – Наполеон для Толстого еще более значительна, это антитеза Праведника и мирового зла. «Если жизнь свою князь Андрей проживает

как Воин и Герой, то смерть он встречает как Праведник — не только преодолевая ее разрушительность силой духа, но открывая в ней возможность обретения высшей мудрости, примирения всех противоречий: в отношениях с собой, с людьми, с Богом» (Ибатуллина, 2020, с. 143), — пишет Г. М. Ибатуллина, и это верно не только для финальных эпизодов сюжетной линии Болконского, но и для аустерлицкого эпизода нравственно-психологического противостояния Наполеону, потому что этот эпизод тоже смерть князя Андрея (его первая смерть, которая соответствует смерти-инициации мифологического или сказочного героя, впоследствии оживающего, например, с помощью волшебного помощника), что и подчеркивается его временным пребыванием как бы за пределами романного пространства.

В системе оппозиций присутствуют еще четыре правителя, чьи имена хорошо известны в мировой истории. Отец князя Андрея, видимо, неслучайно получил в обществе прозвище *le roi de Prusse*¹ (Толстой, 1978–1985, т. 4, с. 111), и отдельные черты его образа жизни (строгий распорядок дня, интерес к архитектуре, владение иностранными языками, признание важности музыкальных занятий, некоторое вольтерьянство, недоверие к женщинам) напоминают черты Фридриха II, не говоря уж о сосредоточенности на военной теме. В черновых вариантах «Войны и мира» сходство было разработано подробнее, но в аспекте противопоставлений важно подчеркнуть, что, получив воспитание в прусском духе, князь Андрей становится у Толстого главным противником всякой войны (вспомним его антивоенный манифест — обличение войны, высказанное Пьеру перед Бородинским сражением, и его буддийский жест во время самого сражения — абсолютизацию принципа ненасилия). Прусский король Фридрих, впрочем, не носил титула императора, по этому формальному критерию в число составляющих систему семи императоров он не входит. Другой весьма воинственный правитель, знакомство с наследием которого ознаменовало для князя Андрея годы учения, — Юлий Цезарь. (Термин «император» в связи с этим победоносным полководцем стал означать еще и носителя власти, а затем утвердился как титул главы государства.)

В кабинете князя Андрея Пьер как первую попавшуюся книгу читает «Записки Цезаря» (Там же, т. 4, с. 34). Это говорит о том, что данное издание у князя Андрея всегда под рукой. Ведь записки Цезаря о Галльской войне (*Commentarii de Bello Gallico*) считались еще и пособием по военному искусству, хотя и не вызывали уважения у некоторых полководцев, например у Наполеона. Однако сопоставление честолюбивых намерений князя Андрея с честолюбием и властолюбием Цезаря не столь уж прямолинейно, как иногда думают. «Я иду потому, что эта жизнь, которую я веду здесь, эта жизнь не по мне!» (Там же, т. 4, с. 35) — вот что отвечает князь Андрей Пьеру, единственному близкому человеку, которому он открывает душу, на вопрос, зачем он идет на войну. К честолюбию эта мотивировка не имеет никакого отношения.

Еще один римский император, по мнению М. С. Альтмана, служит для Болконского примером: князю Андрею, «мечтающему о своем Тулоне, собирающемуся стать новым Титом, слышен голос шутников: “Тит, ступай молотить”» (Альтман, 1966, с. 31). Остается соотнести пословичного Тита с римским императором Титом Флавием Веспасианом (39–81). В толстовском лабиринте сцеплений основания для этого находятся: императора Александра уподобляли и Агамемнону, и Титу, который заслужил

¹ *Фр.*: король Пруссии

репутацию идеального и очень щедрого правителя благодаря снижению налогов и помощи якобы из собственных средств жителям городов Помпеи, Стабии и Геркуланум, пострадавшим от извержения Везувия (ода Н. П. Николева, содержащая такое уподобление, цитируется в «Войне и мире»). На самом же деле идеальный образ императора Тита сконструировали придворные льстецы, что также было известно историкам. М. С. Альтман почему-то приписывает князю Андрею намерение стать новым Титом. (Николай Ростов тоже слышит эту шутку, но исследователи никогда не рассматривали данную деталь в качестве доказательства стремления Ростова подражать Титу.) Шутки денщиков, вряд ли начитанных в древней истории, для образованного Андрея Болконского (и автора) могут формировать тот контекст, в котором Тит ассоциируется с именем бесосновательно прославленного древнеримского императора. Поэтому князь Андрей не мечтает уподобиться Титу, а, наоборот, страшится этого, когда, услышав шутку, мысленно возражает концепции неверной славы: «И все-таки...» (Толстой, 1978–1985, т. 4, с. 334). В этом «И все-таки...» сказывается осознание героем (еще до Праценской горы и молчаливого противостояния Наполеону) призрачности славы и превратности человеческих представлений о величии исторических деятелей.

Участие князя Андрея в законотворческой деятельности роднит его с императорами-законотворцами (Юстинианом I и Наполеоном), но разочарование Болконского в этой деятельности как таковой является еще одним аспектом противопоставления. Упоминание о том, что князь Андрей, работая в комиссии по составлению законов, привлекал Code Justiniani², комментируется обычно как достоверная черта времени и автобиографическая деталь (Толстой в юности читал кодекс ради совершенствования своей латыни и юридической эрудиции). Но нас интересует ряд деталей биографии самого Юстиниана. Как ни странно, в судьбе князя Андрея присутствуют некоторые переключки с судьбой Юстиниана I (482 или 483–565 гг.), весьма причудливой даже для византийского императора. И это не только участие в войнах, увлеченное руководство комиссией по составлению законов или благотворительные начинания: Юстиниан строил храмы и больницы. (Болконский тоже проводил реформы в своих имениях, заботился о распространении грамотности и медицинской помощи, после чего и пришел к выводу о необходимости реформ всероссийского масштаба.) Удивительна история женитьбы Юстиниана, влюбившегося, когда он был еще только наследником своего дяди, императора Юстина, в циркачку-стриптизершу Феодору (позже канонизирована в лике благоверных, хотя некоторые свидетельства современников, например хрониста и памфлетиста Прокопия, характеризуют ее как сущую дьяволицу). По преданию, Юстиниан увидел занимавшуюся рукоделием Феодору в окне ее домика, влюбился в скромную девушку и отправился за благословением к дядюшке, императору Юстину, который пришел в ужас и, разумеется, запретил наследнику престола жениться на блуднице. Пришлось ждать смерти императора-дяди. Чувства влюбленных выдержали испытание временем, и Феодора стала, наконец, супругой Юстиниана, а в 527 году — императрицей, причем инициировала специальный указ, разрешающий падшим женщинам при условии их покаяния выходить замуж за вельмож и даже царственных особ.

После измены Наташи Пьер напоминает князю Андрею его суждение, высказанное в какой-то беседе в Петербурге, что падшую женщину надо простить, однако ни герои, ни автор не сообщают о том, что же послужило поводом к этому разговору.

² Лат.: Кодекс Юстиниана

Может быть, друзья когда-то говорили о несчастном браке Пьера с Элен, а может быть, обсуждали византийские императорские указы. «Я говорил, что падшую женщину надо простить, но я не говорил, что я могу простить. Я не могу» (Толстой, 1978–1985, т. 5, с. 384), — отвечает Пьеру князь Андрей.

Упоминание о том, что беседа, вспомнившаяся Пьеру, проходила в Петербурге, можно рассматривать как намек на пору петербургской работы князя Андрея над составлением законов в комиссии Сперанского, т. е. на переключку с историей Феодоры и Юстиниана. Размышляя над Code Justiniani, Болконский еще не знал, что история византийского императора содержит некоторое предсказание: женитьбу на Наташе придется отложить по настоянию отца.

Узнавший об измене Наташи и вовлеченный в спор гостей старого князя о ссылке и мнимой измене Сперанского, князь Андрей защищает Сперанского от обвинений и говорит: «Я лично не люблю и не любил Сперанского, но я люблю справедливость» (Там же, с. 383). Справедливость, о которой напоминает Болконский, тоже вписывается в юстиниановский контекст спора не только потому, что работа со Сперанским была связана для князя Андрея с изучением статей римского свода, но и потому, что латинская *justitia* (справедливость, право, свод законов) и имя *Justinianus* этимологически объединены.

Юстиниановскому как законному и справедливому у Толстого противопоставляются любовь, прощение и самоотвержение. Княжна Марья, которая уговаривает князя Андрея простить, «никогда не думала об этом гордом слове: справедливость» (Там же, с. 240). Ключевое упоминание о княжне Марье и справедливости находится в начале главы, примыкающей к повествованию о жизни князя Андрея в Петербурге, стало быть, и о его увлечении юстицией. Стремление к любви и прощению побеждает в душе князя Андрея установку на справедливость, т. е. помогает преодолеть своеобразный юстиниановский комплекс. Прощение выше справедливости, неосуждение выше прощения — таковы этапы восхождения души героя к истинному величию (в личном плане спроецированные на драматическую историю его взаимоотношений с Ростовой). В 1903 году Толстой записал в дневнике: «Для того, чтобы в действительности была *justice*, нужно, чтобы в стремлении, в идеале было самоотречение, любовь. <...> Для того, чтобы попасть в цель, надо целить выше и дальше ее» (Там же, т. 22, с. 153). Юстиниановская тема, вбирающая в себя и важнейший в этике Толстого «вывод о недопустимости осуждения» (Шульц, 2019, с. 50), и критику законотворческой и юридической практики (важную идейную составляющую поздних произведений Толстого, особенно романа «Воскресение»), начинается уже в «Воине и мире» — в связи с образом князя Андрея. Рассматривая в концептуальной статье категории прощения и неосуждения в контексте соотношения философии Толстого с философией И. Канта и М. Бахтина, С. А. Шульц делает вывод, что недопустимость осуждения — «тезис Толстого — среди центральных в его художественно-философско-религиозном мире в целом» (Там же, с. 50). Поэтому нам представляется возможным соотносить с этим тезисом и «Воину и мир».

Седьмой император — китайский — единственный, кто заслужил безоговорочную похвалу Болконского: «Все цари, кроме китайского, носят военный мундир» (Толстой, 1978–1985, т. 6, с. 219).

Заключение

Создание «Войны и мира» Львом Толстым — один из впечатляющих примеров мирового противостояния: созидательное всеединство vs деструктивное разложение. Противопоставив «великим» властителям своего вымышленного героя, князя Андрея, Толстой дал в «Войне и мире» пример истинного человеческого величия. «Историософский замысел в точности соответствует замыслу психологическому» (Ильин, 2000, с. 126), — писал о романе русский религиозный мыслитель В. Н. Ильин. К историософскому замыслу «Войны и мира» можно также в полной мере отнести суждение С. М. Телегина: «Роман исполняет мифологическую функцию установления поведенческих моделей для подражания. <...> Историческое оказывается лишь проявлением трансцендентного» (Телегин, 2000, с. 151). Противопоставление Наполеону князя Андрея как «образа истинного небесно-земного величия» (Берман, 1992, с. 183) было для Толстого особенно важным потому, что в князе Андрее Толстой воплотил свое «идеальное Я автора» (Там же, с. 186). Для самого Толстого «Война и мир» — это поединок с Наполеоном, поединок мыслителя с властителем, и недаром «в “Войне и мире” находим <...> именную импликацию Napoleon – Leon Tolstoy» (Мароши, 2011, с. 224).

Нельзя не согласиться с Б. И. Берманом: «Толстой всегда знал себя великим, и потому его художественные исследования того, что велико в этом мире и что ничтожно, для него не литературная, философская или публицистическая тема, а глубоко личная проблема своей жизни. Эту личную задачу истинного величия человеческого Толстой и решал для себя в образе князя Андрея» (Берман, 1992, с. 183–184). Вместе с тем, как пишет исследователь, в религиозно-художественных сценах «Войны и мира» образ князя Андрея создается Толстым в том смысле, который мы имеем в виду, говоря «образ», т. е. «это не столько художественное, сколько религиозное творчество» (Там же, с. 133). Антитеза «образ Андрея Болконского — образы правителей, императоров» есть важнейшая составляющая религиозного творчества Л. Н. Толстого в «Войне и мире».

Список источников

1. Анненков, П. В. (2000). *Критические очерки*. РХГИ.
2. Леонтьев, К. Н. (2012). *О романах гр. Л. Н. Толстого. Анализ, стиль и веяние. Критический этюд*. Либроком.
3. Роллан, Р. (1985). *Жизни великих людей: Жизнь Бетховена; Жизнь Микеланджело; Жизнь Толстого*. Высшая школа.
4. Страхов, Н. Н. (1984). *Литературная критика*. Современник.
5. Бочаров, С. Г. (1963). *Роман Л. Толстого «Война и мир»*. ГИХЛ.
6. Гумилев, Л. Н. (1996). Бремя страстей. *Наука и религия*, 5, 16–21.
7. Бибихин, В. В. (2012). *Дневники Льва Толстого*. Издательство Ивана Лимбаха.
8. Толстой, Л. Н. (1978–1985). *Собр. соч.*: в 22 т. Художественная литература.
9. Романов, Д. А. (2021). Европейские культуры в интерпретации Льва Толстого: однозначное и неоднозначное (по страницам очерка «Севастополь в мае» и романа «Война и мир»). *Slavica (Annales Instituti Slavici Universitatis Debreceniensis)*, L, 263–273.
10. Ибатуллина, Г. М. (2020). *Историософский миф в контекстах русской литературы XIX века*. Флинта.
11. Альтман, М. С. (1966). *Читая Толстого*. Приокское книжное издательство.

12. Шульц, С. А. (2019). Неосуждение и/или прощение: наблюдения о теологии Л. Н. Толстого на фоне философии И. Канта и М. М. Бахтина. *Slavica (Annales Instituti Slavici Universitatis Debreceniensis)*, XLVIII, 48–57.
13. Ильин, В. Н. (2000). *Миросозерцание графа Льва Николаевича Толстого*. РХГИ.
14. Телегин, С. М. (2000). *Мифы, мифореставрация и трансцендентальная филология. Миф – литература – мифореставрация*. Узорочье, 133–154.
15. Берман, Б. И. (1992). *Сокровенный Толстой*. Гендальф.
16. Мароши, В. В. (2011). Проблемы референции имени автора в художественном тексте. *Текст и подтекст: поэтика эксплицитного и имплицитного*. Азбуковник, 219–225.

References

1. Annenkov, P. V. (2000). *Critical essays*. RHGI. (In Russ.).
2. Leont'ev, K. N. (2012). *About the novels of gr. L. N. Tolstoy. Analysis, style and trend. Critical study*. Librokom. (In Russ.).
3. Rollan, R. (1985). *Lives of Great Men: The Life of Beethoven; Life of Michelangelo; Life of Tolstoy*. Vysshaya shkola. (In Russ.).
4. Strahov, N. N. (1984). *Critical essays*. Sovremennik. (In Russ.).
5. Bocharov, S. G. (1963). *Tolstoy's novel «War and Peace»*. GIHL. (In Russ.).
6. Gumilev, L. N. (1996). The burden of passions. *Nauka i religiya*, 5, 16–21. (In Russ.).
7. Bibihin, V. V. (2012). *The diaries of Leo Tolstoy*. Izdatel'stvo I. Limbacha. (In Russ.).
8. Tolstoy, L. N. (1978–1985). *Collection: in 22 vol. Hudozhestvennaya literatura*. (In Russ.).
9. Romanov, D. A. (2021). European cultures in Leo Tolstoy's interpretation: the ambiguous and the unambiguous, on the basis of the sketch «Sevastopol in May» and the novel «War and Peace». *Slavica (Annales Instituti Slavici Universitatis Debreceniensis)*, L, 263–273. (In Russ.).
10. Ibatullina, G. M. (2020). *Historiosophical myth in the contexts of Russian literature of the XIX century*. Flinta. (In Russ.).
11. Al'tman, M. S. (1966). *Reading Tolstoy*. Priokskoe knizhnoe izdatel'stvo. (In Russ.).
12. Shul'ts, S. A. (2019). Non-blame and/or Forgiveness: Observations about L. N. Tolstoy's Theology on the Background of the Philosophy of I. Kant and M. M. Bakhtin. *Slavica (Annales Instituti Slavici Universitatis Debreceniensis)*, XLVIII, 48–57. (In Russ.).
13. Il'in, V. N. (2000). *The worldview of Count Leo Tolstoy*. RHGI. (In Russ.).
14. Telegin, S. M. (2000). *Myth, mythorestavration and transcendental philology. Myth – literature – mythorestavration*. Uzoroch'e, 133–154. (In Russ.).
15. Berman, B. I. (1992). *The Hidden Tolstoy*. Gendal'f. (In Russ.).
16. Maroshi, V. V. (2011). Problems of reference of the author's name in a literary text. *Text and subtext: the Poetics of the explicit and implicit*. Azbukovnik, 219–225. (In Russ.).

Информация об авторе

Елена Юрьевна Полтавец — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской литературы Института гуманитарных наук МГПУ.

Information about the author

Elena Yu. Poltavets — PhD (Philology), Associate Professor of Russian Literature Department, Institute of Humanities, MCU.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interest.